

Эфиопские рукописи не

В самом центре эфиопской столицы, города Аддис-Абеба, стоит памятник Пушкину. Вполне узнаваемый кудрявый профиль, вдохновенно отставленная рука. Правда, сами эфиопы о том, кого изображает памятник, имеют смутное представление. Все, кого я пытался расспросить, лишь пожимали плечами и говорили, что, возможно, это какой-то их знаменитый земляк. И по-своему они были, конечно, правы.

Лет сто назад петербургские газеты писали об Эфиопии даже чаще, чем сегодня пишут о Сирии. Поездками сюда успела отметиться чуть ли не половина литераторов Серебряного века. Тут путешествовал Гумилев, а еще один поэт, Владимир Нарбут, даже чуть было не женился на эфиопской принцессе. Советником при армии императора Менелика состоял литератор, а позже афонский монах Булатович, о котором в «Золотом теленке» писали Ильф и Петров. Но сегодня средний горожанин знает о далекой африканской стране не больше, чем средний аддис-абебец о Пушкине.

Самая распространенная марка автомобиля на улицах Аддис-Абебы – это допотопные «копейки» (ВАЗ-2101). Водители любят объяснять белым туристам, что Эфиопия – это единственная в мире православная страна. А сами эфиопы единственные в мире чуть было не построили коммунизм. Если в ответ вы попытаетесь заговорить о своей собственной стране, то собеседник, скорее всего, лишь недоуменно задерет брови: «Как-как? Россия? Никогда о такой не слышал!»

Тридцать лет назад Аддис-Абеба была связана с Ленинградом множеством экономических и политических ниточек. Сегодня остались разве что культурные связи. Например, именно в Петербурге хранится самая крупная в стране коллекция старинных эфиопских рукописей.

Екатерина Гусарова, ученый секретарь Института восточных рукописей по международным связям, рассказывала:

– Первый раз я была в Эфиопии десять лет назад. До этого я проходила практику в Тунисе, Марокко, Египте – Восток не был для меня чем-то вовсе неведомым. Но христианская страна в сердце Африканского континента – это все-таки что-то совсем иное. Честно сказать, поступая в университет, я вовсе не планировала ею заниматься. Однако влюбилась все равно в Эфиопию. Особенно после поездок в город Бахр-Дар.

Я тоже бывал в Бахр-Даре. Город стоит на берегу пронзительно-голубого озера Тана: крашенные в белое домики, улыбочивые чернокожие красотки, чуть ли не лучший на континенте кофе. Плюс на раскиданных по озеру островках расположено несколько десятков крошечных монастырей. Монахи принимают постриг и навсегда остаются жить при своем храме. А когда они умирают, их там же, на островке, и хоронят.

В водах озера довольно много бегемотов – опасных тварей, без предупреждения атакующих моторные лодки. Если не нарваться на их стадо и доплыть до любого из островных монастырей, то первое, что сделает монах, – покажет посетителю старинный фолиант. Чем древнее и роскошнее рукопись – тем вроде как выше авторитет обители.

– Туристы любят фотографироваться с монахами, которые держат в руках такие фолианты, – объясняет Екатерина. – Монахи давно поняли, что рукописи с картинками нравятся туристам больше, чем рукописи без картинок. Поэтому они стали иногда врисовывать иллюстрации в действительно ценные древние манускрипты. Бывает, такие рукописи за большие деньги выставляют потом на аукционах, но вы же понимаете, реальная их ценность невелика.

– А у вас в музее хранятся исключительно сокровища?

– Ну да, хранятся.

Институт восточных рукописей, в котором трудится Ека-

Илья Стогов о восточных рукописях, эфиопе Пушкине и перстне царя Соломона

терина Гусарова, квартирует в роскошном императорском дворце прямо на Дворцовой набережной, в двух шагах от Эрмитажа. До революции институт носил имя Азиатский музей, и в те годы это был куда более раскрученный бренд, чем, скажем, Русский музей в наши дни. Здесь, например, хранится чуть ли не самый первый в мире Коран с пятнами крови праведного халифа Османа. И рукописи, привезенные из мертвого города Харара-Хото. Ну а еще – крупнейшая в России коллекция манускриптов из Эфиопии.

– В нашем институте хранится сто двенадцать эфиопских рукописей, – объясняет Екатерина. – Это не очень много: в Апостольской библиотеке Ватикана их около тысячи. А в Британской библиотеке почти полторы: в свое время англичанам посчастливилось разграбить библиотеку эфиопского императора Феодора. Зато у нас есть очень интересные экземпляры. Например, уникальная коллекция магических свитков.

– Магических?

– В Эфиопии есть легенда о святом Сесинии, у которого была сестра по имени Верзилия. Эта милая дама родила дочь, но растить ее не стала, а сразу убила и выпила из ребенка кровь. Это занятие так ей по-

Не горят

шном
овой
а. До
ский
кру-
гузей
чуть
нами
руко-
и Ха-
ссии

над-
Ека-
голь-
ячи.
оры:
лось
мпе-
инте-
ная

Се-
мени
ь, но
пила
по-

нравилось, что Верзилия превратилась в ведьму и питалась отныне лишь детской кровью. Когда обо всем этом стало известно святому, он решил сестру убить. Пронзенная копьем, та поклялась именами архангелов, что никогда не тронет ни рожениц, ни детей, если в доме будет свиток с молитвой святого Сесиния. Именно поэтому из Эфиопии дошло огромное количество свитков с текстами этой молитвы. Или вот другая разновидность магических свитков – кожаные ремни длиной ровно в рост покойного, которые вместе с умершими клали в могилу. Всего в нашем собрании несколько десятков таких манускриптов: заклинания, легенды, обереги, рукописи, записанные особыми магическими буквами, которые никто не в состоянии прочитать.

– А откуда вообще в Петербурге появились эфиопские рукописи?

– Знаете, коллекция собиралась долго и по крупицам. Что-то покупали, что-то привозили путешественники, что-то присылали в дар. Рукописи ведь во все времена считались неплохим презентом. Известно, что после того

как в Тегеране был убит Грибоедов, персидский шах, желая замять скандал, отправил в подарок русскому царю большую и очень ценную коллекцию рукописей. Эфиопские книги, конечно, не столь изумительно оформлены, как персидские, но в качестве дара (чтобы не сказать – взятки) ценились тоже высоко. У нас, например, есть роскошный экземпляр Восьмикнижия, привезенный в Петербург министром почты и телеграфа Эфиопии.

– И чего же хотел от России эфиопский министр?

– В те годы Эфиопия почти в одиночку отбивалась от армий сразу нескольких европейских держав. Император Менелик активно искал союзников и отправлял делегации в Петербург, к православным единоверцам. В ответ на его просьбу уже в 1895 году в Эфиопию были направлены русские военные врачи. Основанный ими госпиталь действует, кстати, до сих пор, и русские студенты даже в наше время ездят туда на практику.

– У России была собственная колониальная политика в Африке?

– Такой, как у французов или британцев, не было. Но заполучить стратегические базы цари пытались. В 1888-м пензенский мещанин Николай Ашинов отправился в Эфиопию с отрядом из полутора сотен казаков и попробовал основать на пустынном берегу Красного моря колонию под названием Новая Москва. Дело обернулось международным скандалом, поселение Ашинова было разбомблено французским флотом, а самого его под конвоем отправили назад в Петербург.

Разбитый, но не сдавшийся, Ашинов привез в столицу империи даже флаг, который был поднят над первой русской колонией в Африке. Эта реликвия долгое время хранилась в петербургской Духовной академии, а потом куда-то потерялась. Зато дошли привезенные им рукописи. Сегодня они тоже хранятся в нашем музее.

То, что не удалось царям, получилось у большевиков: уж у СССР-то проблем с базами в Эфиопии не возникало. В 1970-е последний эфиопский император был то ли задушен, то ли утоплен в отхожем месте, а к власти пришли коммунистически настроенные военные. Об интернационалистах, служивших в Эфиопии, пишут меньше, чем об афганцах или ангольцах, хотя их общее количество измеряется в тысячах человек.

– А правда, – спросил я у Екатерины, – что главным сокровищем эфиопских императоров был какой-то особый перстень?

– По древней легенде, записанной в священной для эфиопов книге «Кэбра Нагаст», их императоры ведут род от библейского царя Соломона. Считается, будто некогда в гости к Соломону пожаловала знаменитая царица Савская. У них случился роман, и в результате, родился ребенок – прародитель всей императорской династии. Соломон был так рад наследнику, что на прощание подарил царице Савской свое волшебное кольцо.

– Правильно ли я понимаю, что речь идет о том самом перстне, которым, по легенде, запечатывали кувшины, внутри которых томились джинны вроде старика Хоттабыча?

– Да, все верно. Это тот самый перстень. Но где перстень может находиться сегодня, ученые не знают.

– Ничего себе! А могло получиться так, что после революции императорский перстень прихватил кто-нибудь из русских десантников, охранявших императорский дворец? И сегодня древняя реликвия хранится как трофейная безделушка где-нибудь в Пскове или Рязани?

– Вот об этом, – улыбнулась Екатерина, – мне абсолютно ничего не известно.

Илья СТОГОВ

